

Известия, 1996, — 1 апр., — в. 3

Иосиф Бродский не захотел жить с чужим сердцем

Мэлор СТУРУА, «Известия»

Ни по каким видимым признакам нельзя определить, что в похоронном доме на Бликер-стрит, 199 в нью-йоркском Гринич-Виллидже прощаются с великим поэтом XX века. Кучка людей у входа переминается с ноги на ногу. У похоронного дома несколько названий: «Похоронный дом Пераццо», «Похоронный дом Нукиароне», «Похоронный дом Гринич-Виллиджа». Справа — магазин, торгующий пузрто-риканским «качественным кофе» с 1907 года. Слева — кафе-мороженое, в витрине которого красуется одинокий плакат: «Нуждаемся в помощи».

Тело поэта покоится в «Часовне А». Это, конечно, никакая не часовня, а просто комната. В четыре ряда стоят 20—25 стульев и еще несколько диванов вдоль стен. Поэт лежит в массивном, как мебель Сабакевича, гробу. На нем обычная одежда. Коричневый вельветовый пиджак; свитер, из-под которого выглядывает ворот клетчатой рубашки-«ковбойки». И только лицо поэта необычно. Оно одновременно значительно и загадочно. В нем сквозит когда-то нервные черты проступает почти античная строгость. Античная, как Рим, и библейская, как Иерусалим.

На одной из стен надпись «Не курить!» Надпись вполне уместная, но в данном случае звучащая как горькая усмешка. Поэт был заядлым курильщиком. Он курил, не переставая, несмотря на большое сердце. Ему сделали три операции. Поэту предлагали трансплантацию. Он решительно отказывался. Он говорил, что не смог бы жить с чужим сердцем в груди. Ведь его большое сердце было поэтическим. На этом поэтическом сердце шрамов было больше, чем на теле гладиатора. Куда больше.

На пюпитре — карточка с напечатанным на ней текстом, который призывает не тратить деньги на венки и цветы, а отписывать их

Русской академии в Риме, которую поэт основал в 1995 году, чтобы помочь русским художникам, работающим в Италии.

Я спрашиваю женщину-смотрительницу, где и когда будет хоронить поэта. Она ничего не знает или не хочет говорить.

— Моя обязанность заключается лишь в том, чтобы следить, чтобы не фотографировали гроб с покойным. Не знаю, как у вас в России, но у нас смерть — сугубо личное, частное дело, — сухо добавляет она.

Поэт, что лежит в «Часовне А», считал свое божественное ремесло частным и личным делом, во всяком случае не терпящим суеты. Как-то раз в разговоре с ним речь зашла о Евгении Евтушенко, гастролировавшем тогда по Америке и заявлявшем, что его зрители заполняют стадион «Янки» в Нью-Йорке, как сотни тысяч «Лужники» в Москве.

— Сто тысяч — это ужасно. Я бы предпочел одну тысячу аудиторий по сто человек в каждой, — сказал поэт.

Я вспоминаю эти слова и окидаваю взглядом «Часовню А». На стульях и в креслах-диванах пригорюнились человек 10—15. Поэт остался бы вполне доволен...

Мемориальная служба состоится приблизительно через месяц,

возможно, 1 марта, в католическом соборе Святого Иоанна. Похороны назначены на четверг. Согласно завещанию поэта, его похоронят в земле штата Массачусетс, неподалеку от деревенского дома, где он жил и сочинял стихи, в присутствии исключительно близких людей.

Иосиф Бродский был великим русским поэтом и истовым американским гражданином. И не только по паспорту. Он, видимо, считал своим долгом быть погребенным в американской земле, которая стала для него не мачехой, а второй любящей матерью. Мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак прислал делешу вдове покойного с предложением похоронить его на берегах Невы. Предложение отклонено. Отклонилось оно и при жизни. Он боялся разгерметизировать свой быт и поэтическое пространство; боялся оказаться-окунутым в пошлую патоку и паточную пошлость «обожателей»; боялся оказаться втянутым в политические дразни нашей жизни, в ее балаганную тусовку. Вспоминается его реакция на возвращение Александра Солженицына в Россию: «Пока он был здесь, с ним можно было и соглашаться, и не соглашаться. Ну а сейчас один черт». Поэт сокрушительно махнул рукой. Он всю жизнь боялся девальвации слов и поступков. Вот почему он и выбрал максимально приближенное к идеалу решение — русский поэт и американский гражданин. Он не чувствовал в себе некресовской обязанности быть гражданином (России), ибо не мог не быть поэтом (русским).

И еще одно. Возвращение Бродского, уже ушедшего в мир иной, в Россию нужно тем, кто хотел бы — подтекстово — подать эту акцию как примирение с ним, как

прощение и индульгенцию, полученные от него посмертно. Делать этого нельзя. Поэты не прощают. Бог простит.

...Я вижу из похоронного дома на Бликер-стрит — этого Бродвея, когда-то по-настоящему богемного Гринич-Виллиджа, еще не залпанного индустрией туризма. Надо мной хмурое, будничное, зимнее небо Нью-Йорка. В воздухе пахнет хорошим пуэрто-риканским кофе.

Люди, толпящиеся у входа, сильно напоминают диссидентское сборище времен застоя. Их так же мало, как демократов, протестовавших на Красной площади или на Пушкинской против подавления «Пражской весны».

Люди переговариваются, приедут ли Барышников и Ростропович. Какие замечательные слова произнес о покойном Шемакин! Обсуждаются телеграммы Ельцина и Собчака. Репортеры «Голоса Америки» и «Свободы» делают свое дело. Короче, жизнь продолжается, вернее, не жизнь, а суета сует. О, Боже, как символично, хотя и неожиданно зазвенел телефон в кармане пальто российского коммерсанта, стоявшего рядом со мной у гроба поэта! Коммерсант вздрогнул и смущенно попытался выключить свою штуконицу. Мне показалось на миг, что античное лицо поэта приняло столь знакомое при его жизни скептическое выражение.

Тем временем подъехали, дыша питерскими туманами, Рейн и Кушнер, питомцы Анны Ахматовой.

А мимо похоронного дома шли по своим делам американцы. И никто из них не спросил: «Кого хоронят?» И поэтому никто из нас не мог ответить: «Поэта...».

НЬЮ-ЙОРК.